

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 314; 316.3

ББК 60.7

© Барсуков В.Н.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТА ПОКОЛЕНИЙ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ «СТАРЕЮЩИХ» ГОСУДАРСТВ¹

БАРСУКОВ ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Институт социально-экономического развития территорий

Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: lastchaos12@mail.ru

Последствия старения населения влекут за собой изменения не только в экономическом, но и в социальном пространстве. Перманентное увеличение доли населения старших возрастов неминуемо ведет к изменению восприятия пожилых людей и социальной роли данной категории населения остальной частью общества. Увеличение нагрузки на трудоспособное население, возрастающая конкуренция на рынке труда между пожилыми людьми и молодежью, увеличение бюджетных затрат на здравоохранение и социальную защиту, вопрос справедливости перераспределения общественных ресурсов – это только небольшая часть последствий старения населения, которые становятся значимым фактором нарастания социальной напряженности. Ответная реакция социума на изменения, вызванные деформацией возрастной структуры вследствие демографического старения, может приобретать негативные формы в виде эйджизма, геронтофобии и межпоколенческих конфликтов. Таким образом, целью данной статьи стало изучение причин формирования и последствий конфликта поколений в современном обществе. В работе рассматриваются основные факторы возникновения межпоколенческих конфликтов, выделены сферы их проявления, мотивы и степень участия в них разных возрастных категорий населения. Делается вывод о том, что проявления возрастной дискриминации и десоциализации характерны как для молодежи, так и для пожилых людей, однако молодые люди легче справляются с их последствиями. Для решения проблемы межпоко-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества».

ленческих конфликтов в современных реалиях необходимо принятие закона о недопустимости дискриминации по возрасту, которого в России пока нет. Второй, и наиболее важной, является проблема межпоколенческих коммуникаций. Сокращение коммуникативной дистанции между молодежью и пожилыми людьми (как на уровне семьи, так и общества в целом) позволит повысить эффективность межпоколенческого взаимодействия, а также интенсивность передачи социального опыта. Для недопущения возникновения дискриминационных практик в обществе необходим пересмотр социокультурной парадигмы отношения к старости и пожилым людям, что, на наш взгляд, позволит изменить стереотипное восприятие социальной роли старшего поколения и их вклада в общественное развитие.

Пожилые люди, молодежь, эйджизм, межпоколенческие конфликты.

Старение населения является одним из главных демографических вызовов XXI века для большинства развитых и развивающихся стран [16]. Его причины и последствия достаточно изучены [12; 13], однако до сих пор отсутствует единое понимание того, на каких принципах должна строиться социально-экономическая политика «стареющих государств». Изменение возрастной структуры в сторону увеличения доли населения старших возрастных групп опосредованно влияет на все сферы жизнедеятельности общества [28]. Одной из наиболее острых становится проблема поддержания макроэкономического равновесия [19]. Ввиду того что уровень потребления в старших возрастах снижается [29], соответственно сокращается и совокупный спрос, что ведет к возникновению дефляционного эффекта, выражающегося в спаде во многих отраслях экономики.

По мнению зарубежных экспертов [29], для поддержания макроэкономического равновесия и повышения уровня и качества жизни населения старших возрастов в условиях демографического старения государствам следует сделать акцент на двух основных моментах:

– поддержание прежнего уровня потребления на протяжении как можно более длительного периода, что позволит предотвратить потенциально возможное сокращение совокупного спроса;

– «раскрытие» ресурсного потенциала старшего поколения (трудовая, обществен-

ная активность и др.) для поддержания темпов экономического роста и недопущения возникновения дефляционных эффектов в экономике.

Основными препятствиями для реализации двух этих взаимосвязанных направлений становятся «стереотипизация» пожилого возраста (как со стороны общества, так и самих пожилых людей), которая выражается в своего рода «навязывании» точно определенных социальных ролей («бабушка/дедушка», «пенсионер», «старик» и т. д.), а также возрастная дискриминация и межпоколенческие конфликты.

Формирование социально-экономических последствий в государствах, столкнувшихся с демографическим старением, связано с двумя основными его признаками: глобальностью и необратимостью. Глобальный характер старения населения выражается в интенсивном снижении территориальной дифференциации данного явления в регионах мира [2]. Таким образом, проблема, которая еще в середине XX была отличительной чертой населения развитых стран, сегодня становится общемировой. Однако если в странах – лидерах по уровню «старости» на текущий момент (регионы Северной, Южной, Континентальной Европы и Юго-Восточной Азии) деформация возрастной структуры происходила умеренными темпами, то на «догоняющих» территориях (например, Китай) этот процесс был более интенсивен и сжат во времени, что привело к возникновению социально-экономических «шоков». Показателен пример все того

же Китая, где ввиду резкого снижения рождаемости произошла значительная деформация возрастной структуры. В преддверии наступления процесса старения КНР получила возможность использовать колоссальный демографический дивиденд, сделавший страну крупнейшим рынком рабочей силы в мире. На текущий момент данный дивиденд практически себя исчерпал, а правительство Китая все чаще заявляет о возникающих в связи с этим социально-экономических проблемах, которые в перспективе скажутся на снижении темпов экономического роста.

Необратимость демографического старения в условиях суженного воспроизводства населения уже неоднократно была доказана в различных отечественных и зарубежных исследованиях [4; 12; 13]. При этом, вероятно, существуют определенные границы «старости» населения, ввиду того что темпы прироста населения старших возрастов в развитых странах постепенно снижаются. Тем не менее, «стареющие» государства в первую очередь должны учитывать именно эти две главные отличительные черты демографического старения при формировании социально-экономической политики.

Развитые страны, столкнувшиеся с проблемой старения населения раньше других, на протяжении второй половины XX века меняли свои подходы к реализации политики в отношении граждан пожилого возраста. Чтобы проанализировать последовательность этих изменений, воспользуемся классификацией эволюции зарубежных подходов к старению населения, разработанной Ю. Зеликовой [7]. Автор выделяет три основных этапа:

- старение рассматривается как индивидуальная и социальная проблема (1940–1960-е годы);
- старение рассматривается с точки зрения экономики и занятости (1970–1980-е годы);
- старение конструируется как глобальная проблема и вызов (1990 год – настоящее время).

Остановимся на каждом из них более подробно. Первый этап, который можно назвать «послевоенным», характеризовался не только «беби-бумом», но и нарастанием процесса старения населения. Все чаще в зарубежных исследованиях, в том числе и на самом высоком уровне (доклад Саймона Кузнеця на Всемирной конференции ООН по народонаселению в 1965 году в Белграде), затрагивались вопросы влияния демографических изменений на социально-экономическое развитие, опубликованы первые работы, посвященные процессу демографического старения и его последствиям [12; 13]. Старение стало рассматриваться как новая социальная проблема, в первую очередь связанная с развитием и консолидацией пенсионной системы и направленная на развитие социального государства [30; 33]. Однако на этом этапе проблема старения представляла собой скорее локальную проблему для каждой отдельно взятой страны.

Второй этап характеризовался осмыслением роли старшего поколения на рынке труда и его вклада в экономику. В противовес текущей ситуации, когда занятость пожилых людей поощряется со стороны государства, в 70–80-х годах в развитых странах активно вводилась практика раннего выхода на пенсию из-за кризиса занятости, возникшего в те годы. Разрабатывались специальные программы «освобожденной занятости» (Англия) или предпенсионных выплат (Германия) [7], теории позитивного отношения к общественной активности пожилых людей. Согласно теории активности М. Мэддокса главным аспектом является положительная взаимосвязь уровня активности и удовлетворенности жизнью [6]. Предполагается, что пожилые люди должны быть вовлечены в жизнь общества, это должно означать, что чем некто активнее, тем он удовлетвореннее.

Третий этап ознаменовался осознанием правительствами «стареющих» государств системности процесса демогра-

фического старения и его необратимости. Демографические дивиденды были исчерпаны, а на смену политике «досрочного освоения» пришли реформаторские решения о повышении пенсионного возраста и удержании пожилых людей на рынке труда ввиду сформировавшегося на нем дефицита предложения. Возрастание нагрузки на трудоспособное население, конкуренции на рынке труда между пожилыми людьми и молодежью, увеличение бюджетных затрат на здравоохранение и социальную защиту, вопрос справедливости перераспределения общественных ресурсов – это только небольшая часть последствий старения населения, которые становятся значительным фактором нарастания социальной напряженности. Возникновение на этом фоне геронтофобии (дословно – боязнь стариков и старости), эйджизма (проявления возрастной дискриминации) и межпоколенческих конфликтов представляется в качестве негативных форм ответной реакции общества на изменения, вызванные деформацией возрастной структуры населения.

По мнению ряда социологов [20; 26], в XXI веке межпоколенческие конфликты и справедливость между поколениями становятся важнейшими проблемами современного общества. Если ранее эти конфликты находили свое отражение в политической («оккупирование» представителями старшего поколения должностей во властных органах), культурной (несоответствие ценностных установок молодежи и пожилых людей) сферах, то в современных условиях эта проблема приобрела также экономический характер [17; 18]. Интенсивное старение населения развитых и развивающихся стран привело к тому, что доля пожилых людей значительно возросла, в то время как доля детей и молодежи вследствие низкой рождаемости существенно сократилась. На фоне увеличения ожидаемой продолжительности здоровой жизни [9] совокупность этих факторов привела к росту реальной конкурен-

ции на рынке труда между молодыми людьми, которые еще собираются начать свою трудовую деятельность, и пожилыми людьми, имеющими возможность и мотивацию к продолжению трудовой деятельности.

Социальные проблемы «стареющего» государства часто рассматриваются через призму проблем справедливости перераспределения общественных благ между разными категориями населения и будущего социальной защиты населения в этих странах. Пожилые люди являются главными получателями общественных трансфертных программ, в то время как воспитание детей, даже учитывая расходы государства на образование, в основном оплачивается их родителями [7]. Это может рассматриваться как определенная несправедливость, особенно со стороны так называемого «сэндвич-поколения», т. е. людей средних лет, вынужденных оказывать поддержку одновременно и детям, и пожилым. Таким образом, в конфликте поколений оказываются задействованы все три основные возрастные группы населения, а справедливость распределения ресурсов становится фактором его возникновения.

С точки зрения перераспределения общественных финансов одним из наиболее важных последствий демографического старения является возрастание нагрузки на органы здравоохранения и социального обеспечения. Рост доли населения старших возрастов ведет к увеличению не только базы смертности, но и заболеваемости населения. Как видно из *рисунка 1*, расходы консолидированного бюджета РФ на здравоохранение за период с 2011 по 2014 год увеличились более чем на 30%, в то время как средняя динамика темпа прироста составила 10%. Заболеваемость населения за тот же период возросла на 4% [15].

Важно отметить, что возрастание смертности и заболеваемости в условиях демографического старения носит количественный, а не качественный характер, т. е. происходит

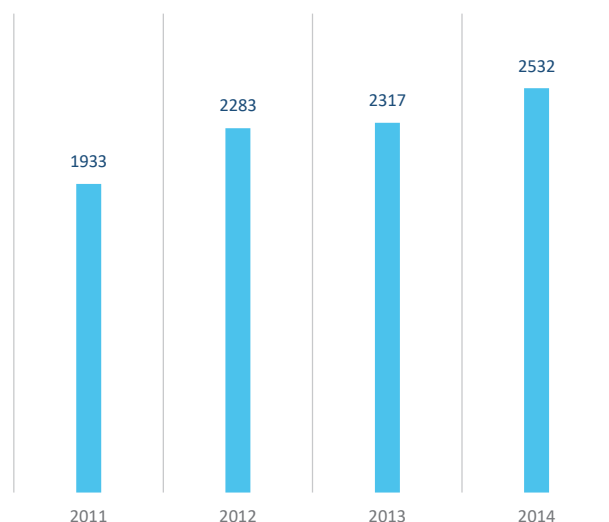

Рис. 1. Расходы консолидированного бюджета РФ на здравоохранение, млрд руб.

Источник: Официальный сайт Федерального казначейства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://datamarts.roskazna.ru>

за счет роста доли и численности пожилых людей. В то же время наблюдается так называемая «компрессия заболеваемости»: люди живут дольше, однако продолжительность периода жизни, характеризующегося плохим состоянием здоровья, не увеличивается [11].

Старение населения, безусловно, будет влиять на расходы в сфере здравоохранения, но не обязательно потребует использования высокой доли бюджетных средств в будущем. Несмотря на то что средние темпы прироста численности населения пенсионного возраста и расходов на здравоохранение за период с 2011 по 2014 год можно соотнести как 1 к 10, это вовсе не означает, что к 2020 году, когда доля населения старших возрастов в России увеличится по прогнозу на 10% [15], расходование бюджетных средств в сфере медицины возрастет вдвое. Как показывают зарубежные исследования, связь между старением населения и расходами на здравоохранение не столь тесная. Так, например, в США в период с 1940-х по 1990-е годы только 15% увеличения затрат на медицинское обслуживание можно связать с процессом деформации возрастной структуры [11]. Исследование ученых Брайанта и

Сонерсона [3] показало, что главными факторами увеличения расходов на здравоохранение в Новой Зеландии в период с 1950 по 2000 год были возрастающие государственные поступления из бюджета и увеличение заработной платы медицинских работников.

В докладе ООН по вопросам старения отмечается, что в большинстве случаев для оценки изменения расходов на здравоохранение недостаточно статистических данных для полноценного анализа и учета всех факторов [11]. Тем не менее, определенные выводы можно сделать, в том числе основываясь на данных социологических исследований. Существует вероятность того, что лица более старших возрастных групп будут пользоваться медицинскими услугами чаще, и в связи с увеличением их совокупной доли потребуются больше ресурсов для удовлетворения спроса на этот вид услуг. Это подтверждают данные опроса, проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 году²: с возрастом пожилые люди все хуже оценивают состояние своего здоровья, чаще обращаются к врачам и проходят стационарное лечение (табл. 1, 2, 3). Можно сделать вывод, что большая часть затрат здравоохранения приходится на последние годы жизни граждан. Это, в частности, подтверждает пример Канады, где в 2000–2001 годах из 27 тысяч долларов медицинских расходов на душу населения 19 тысяч (70,3%) приходилось на людей в возрасте 85 лет и старше [11]. Аналогичным образом пожилые женщины, вероятно, будут пользоваться медицинскими услугами чаще, чем мужчины того же возраста.

² Специализированный опрос «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области» проведен ИСЭРТ РАН в 2015 году. Объем генеральной совокупности составляет 427861 человек. Объем выборки – 1500 человек. Распределение респондентов по полу и возрасту соответствует генеральной совокупности населения Вологодской области старше 50 лет (согласно половозрастным показателям статистических сборников), что позволяет оценивать полученные результаты как достоверные. Для определения территориальных особенностей в исследовании отдельно выделены два крупных города – Вологда и Череповец, в отдельную группу вынесены остальные районы Вологодской области. Ошибка выборки по опросу не превышает 4%.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили состояние своего здоровья?», %

Вариант ответа	Всего	Пол		Возраст				
		Мужчины	Женщины	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и старше
Отличное	1,5	2,4	1,0	3,8	1,2	1,7	0,0	0,3
Хорошее	20,7	26,4	16,9	36,7	29,5	15,0	13,4	5,2
Посредственное	53,7	50,0	56,0	47,2	52,9	64,1	59,9	50,0
Плохое	16,3	12,7	18,7	6,4	8,7	10,5	17,6	36,1
Затрудняюсь ответить	7,8	8,5	7,4	5,8	7,8	8,7	9,2	8,4

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы обращаетесь к услугам врачей», %

Вариант ответа	Всего	Пол		Возраст				
		Мужчины	Женщины	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и старше
Еженедельно	0,9	1,0	0,8	0,3	0,9	1,0	0,7	1,3
Ежемесячно	15,8	10,8	19,0	8,2	12,7	15,7	15,5	25,7
Несколько раз в полгода	26,2	20,8	29,7	20,1	21,7	25,8	35,9	32,5
Несколько раз в год	28,1	29,8	27,0	32,4	27,5	29,6	26,8	24,3
Раз в год и реже	22,8	29,2	18,7	32,9	29,8	19,9	16,9	11,8
Затрудняюсь ответить	6,2	8,3	4,8	6,1	7,5	8,0	4,2	4,5

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Лежали ли Вы в больнице в течение последнего года?», %

Вариант ответа	Всего	Пол		Возраст				
		Мужчины	Женщины	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и старше
Нет ответа	0,4	0,5	0,3	0,3	0,6	0,0	0,0	0,8
Да	20,2	16,8	22,4	11,7	14,5	16,4	23,2	34,8
Нет	79,4	82,7	77,3	88,0	85,0	83,6	76,8	64,4

Что касается сферы социальной политики, то рост расходов консолидированного бюджета РФ по этой статье за период с 2011 по 2014 год составил также порядка 30% (рис. 2).

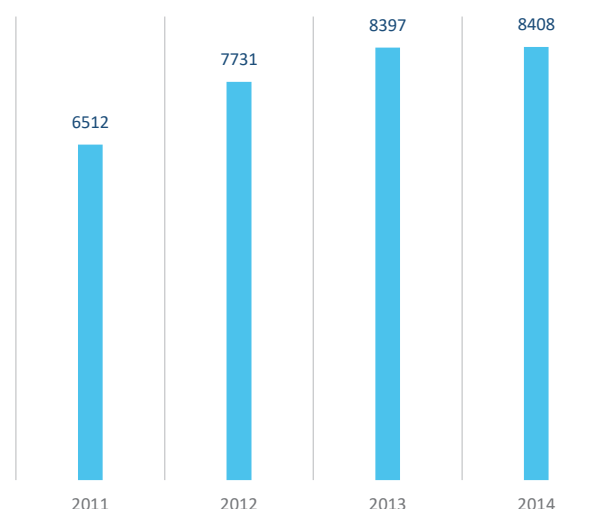

Рис. 2. Расходы консолидированного бюджета РФ на социальную политику, млрд руб.

Источник: Официальный сайт Федерального казначейства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://datamarts.roskazna.ru>

В сравнении со сферой здравоохранения данная статья бюджета имеет более тесную связь с процессом старения населения, т. к. наибольшая доля расходов в ней приходится на пенсионное обеспечение. Причем эта доля растет: если в 2011 году на выплату пенсий приходилось 67% от всех расходов на социальную политику, то в 2014 – 73% [5].

Финансовая устойчивость пенсионной системы России подвержена рискам по двум основным причинам: рост расходов на выплату трудовых пенсий и нарастание дефицита ПФР. С 2011 по 2014 год расходование средств бюджета Пенсионного фонда России возросло на 40% [5]. В то же время дефицит бюджета ПФР составляет порядка 1,5 трлн (без учета поступлений из федерального бюджета) и будет увеличиваться дальше [5]. Согласно данным Департамента актуарных расчетов ПФР, при условии сохранения текущих тенденций дефицит пенсионной системы России к 2040 году составит от 6 (по высокому сценарию) до 19 (по низкому) трлн рублей. Покрытие

этой разницы будет производиться за счет средств федерального бюджета, в связи с чем можно прогнозировать сокращение расходов по другим статьям.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в условиях старения происходит смещение вектора распределения общественных финансов. Так, например, значительно возрастает доля расходов бюджета на пенсионное обеспечение, вследствие чего происходит сокращение по другим статьям социальной политики государства. Было выявлено, что, несмотря на увеличение расходов на здравоохранение в «стареющих» государствах, большинство средств потребляется пожилыми людьми на последних годах жизни и именно увеличение «глубины» старения становится главным фактором роста расходов в данной сфере. Следовательно, существует заметная дифференциация потребления медицинских услуг в данной социально-демографической группе, что, в свою очередь, меняет представление о пожилых людях как о гомогенной группе потребителей социальной помощи. Так или иначе, расходы государства на социальное обеспечение продолжают расти, следствием чего станут проблемы не только структурного и институционального, но и социального характера, т. к. с каждым годом все большая часть общественных финансов будет расходоваться на пожилых людей, что, безусловно, ставит вопрос о справедливости такого распределения со стороны остальной части социума.

Согласно данным Европейского социального исследования [25], во всех странах Европейского Союза вклад молодых людей в экономику оценивается значительно выше, чем вклад населения пожилого возраста. При этом если по отношению к молодым людям общество может испытывать целый спектр противоречивых эмоций от зависти и презрения до восхищения, то по отношению к пожилым чаще всего жалость и сочувствие. Для стран с переходной экономикой

(страны Прибалтики и Россия) вероятно возникновение некоторых проявлений, которые были характерны для развитых стран во второй половине XX века, когда последствия старения населения стали очевидными [26]. По мнению А. Тракслера, оба конца жизненного цикла рассматриваются как непроизводительные, а соответствующие группы воспринимаются людьми среднего возраста как нагрузка. Но дети расцениваются как носители экономического потенциала, а пожилые люди – как финансовое обязательство или бремя [6].

Важным фактором, который долгое время не рассматривался ни в теории демографического перехода, ни при оценке последствий старения населения, является миграция. Начиная с конца XX века интенсивность мировой миграции заметно возросла, в настоящее время общая численность людей, вовлеченных в миграционные процессы, превышает 1,1 млрд человек [32]. Такие изменения заставили ученых говорить о третьем демографическом переходе, где главными предпосылками становятся низкая рождаемость и высокая иммиграция [22]. В глобальном масштабе происходит международная миграция молодежи и людей среднего возраста в поисках работы и улучшения уровня жизни. Переселение в более развитые страны носит системный характер: например, из Восточной Европы в Германию и Великобританию, из Филиппин в Сингапур, из Индии в США и Саудовскую Аравию и др. [1]. При рассмотрении проблемы иммиграции молодежи из менее развитых стран чаще всего упоминается возможное возникновение межнациональных конфликтов. На наш взгляд, не менее существенной является проблема нарастания межпоколенческих конфликтов в этих странах. Прирост населения младшего и трудоспособного возрастов другой национальности и культуры приводит к ситуации, когда в разрыве социокультурной дистанции в обществе значимую роль начинает играть возрастной фактор.

На примере России продемонстрируем влияние внутренней миграции на изменение социального пространства территории. Как свидетельствуют данные *таблицы 4*, миграционные потоки в России можно охарактеризовать как центростремительные: за период с 2003 по 2014 год наблюдались миграционный прирост в городской местности и отток в сельской. Однако если рассмотреть эти же данные в возрастном срезе, то можно заметить, что для сельской местности характерен приток населения пенсионного возраста.

Ситуация складывается таким образом, что ускоренному старению сельских территорий способствует не только отток молодежи и трудоспособного населения, но и приток пожилых людей. Как итог, в общественном сознании все больше формируются образы «молодого города» и «старого села», которые еще больше увеличивают разрыв между поколениями, изменяя не только демографическое, но и социальное пространство.

Разница в возрасте – основная причина возникновения разрыва межпоколенческих коммуникаций. В науке принято выделять три типа возрастов: биологический, психологический и социальный. Безусловно, все три типа взаимосвязаны между собой. Ученые Венского института демографии Щербов и Сандерсон [8] в рамках своей теории «перспективного» старения приходят к выводу о том, что рост продолжительности жизни населения в перспективе может за-

медлить темпы демографического старения. Главный постулат данной теории гласит, что объективные границы старости во всем мире постоянно сдвигаются, провоцируя пересмотр отношения к отдельным возрастным категориям населения, которые еще совсем недавно считались пожилыми людьми (условно говоря, нынешние 80-летние – это 65-летние несколько десятилетий назад). Т. е. чем быстрее будет расти продолжительность жизни, тем быстрее будут сдвигаться границы «старости», тем самым сокращая темпы старения населения. Соответственно, увеличение продолжительности биологической жизни изменяет представление самого индивида о своем психологическом возрасте, а также представление общества о социальных границах старости.

Конфликт поколений наиболее полно характеризуют явления эйджизма и адультизма. Впервые термин «эйджизм» был введен в оборот американским ученым Р. Батлером [21] и означал дискриминацию по возрастному признаку по аналогии с нацизмом и сексизмом. Батлер рассматривал его как комбинацию трех взаимосвязанных аспектов: негативная стереотипизация пожилых людей, дискриминационные проявления в межличностном взаимодействии людей, дискриминация на институциональном уровне (в частности, на рынке труда). Показательны результаты исследования, проведенного в конце 90-х годов прошлого

Таблица 4. Миграционный прирост населения России по возрастным группам и типу местности, чел.

Возраст, лет	2003 год			2007 год			2011 год			2014 год		
	Городская местность	Сельская местность	Общий	Городская местность	Сельская местность	Общий	Городская местность	Сельская местность	Общий	Городская местность	Сельская местность	Общий
Мужчины и женщины 0-15	20734	-16679	4055	33529	-4824	28705	37968	-14449	23519	68657	-38688	29969
Мужчины 16-59, женщины 16-54	50436	-21589	28847	194097	-8403	185694	427417	-158509	268908	313993	-112395	201598
Мужчины 60 и более, женщины 55 и более	21998	-11016	10982	20103	5441	25544	4894	22440	27334	25257	13212	38469

Источник: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gks.ru>

века американскими учеными К. Эдвардсом и Дж. Ветслером [24]. Молодые люди видят в пожилых потенциальную угрозу, беспокойство, вызванное факторами, сопутствующими старению (немошь, слабость, возможная физическая несостоятельность). Эту гипотезу Эдвардс и Ветслер подтвердили проведенными исследованиями, причем они считали, что восприятие пожилых как угрозы преодолевается и беспокойство снижается, если молодые люди изначально воспринимают себя как часть одной группы с пожилыми, к которой они в будущем присоединятся.

Термин адультизм, в свою очередь, обозначает предрасположение к взрослым и их поведению в противовес молодым людям [10]. Однако, как показывают данные зарубежных исследований [27], молодые люди переносят проявления возрастной дискриминации намного легче, чем пожилые.

Еще одним важным фактором, прямо или косвенно способствующим возникновению межпоколенческих конфликтов и десоциализации, можно назвать проблему одиночества. Как показали данные исследования качества жизни пожилых людей, проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 году³, 9% опрошенных считают себя одиночками, чуть больше 40% респондентов периодически сталкиваются с чувством одиночества. Растет и доля одиноко проживающих: если в возрасте 50–59 лет она в среднем составляет 11%, то в возрасте от 60 до 69 лет – 22%. Следующий и наиболее существенный скачок наблюдается после 70 лет, когда данный показатель возрастает до 37%, причем чаще среди женщин, поскольку в большинстве пожилых семейных пар мужчины уходят из жизни раньше своих партнерш. Проблема одиночества в наибольшей степени характерна для двух «полярных» возрастных групп: подростков и пожилых. Подростки

³ Опрос осуществлялся методом раздаточного анкетирования. Выборка квотная по полу и возрасту с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Объем выборки – 1500 человек старше 50 лет, ошибка выборки не превышает 5%.

сталкиваются с этим явлением даже чаще, чем представители старшего поколения, однако причины его возникновения несколько разнятся [14]. Так, в подростковом возрасте возникновение чувства одиночества чаще обусловлено личностными характеристиками индивида и его поведением, тогда как в пожилом возрасте эта проблема переходит в разряд социальных, связанных с разрывом прежних социальных связей, а также со стереотипизацией социально-демографической группы пожилых людей.

Подведем некоторые итоги. Как показывают зарубежные исследования, проблема межпоколенческих конфликтов обостряется в условиях деформации возрастной структуры вследствие старения населения. В межпоколенческом конфликте в разной степени участвуют все основные категории населения, имеющие разные представления о справедливости перераспределения общественных ресурсов. Проявления возрастной дискриминации и десоциализации характерны как для молодежи, так и для пожилых людей, однако в молодом возрасте их последствия переносятся менее болезненно.

На основе проведенного анализа можно выделить основные причины возникновения межпоколенческого конфликта молодежи и пожилых людей:

- изменение баланса удельного веса возрастных групп молодежи и пожилых людей в общей численности населения;
- борьба за общественные ресурсы, конкуренция на рынке труда;
- неприятие ценностей и образа жизни пожилых людей молодежью (и наоборот);
- увеличение социокультурной дистанции между молодым и пожилым возрастом.

Каждая из вышеуказанных причин формирует отдельные грани межпоколенческих конфликтов, которые, в свою очередь, подчеркивают множественность последствий данного явления (рис. 3).

Согласно проведенному анализу и экспертной оценке [11], для решения проблемы

Рис. 3. Причины и грани межпоколенческих конфликтов в современном обществе

Источник: Составлено автором.

межпоколенческих конфликтов в современных реалиях необходимо принятие закона о недопустимости дискриминации по возрасту, которого в России пока нет. Второй, и наиболее важной, является проблема межпоколенческих коммуникаций. Сокращение коммуникативной дистанции между молодежью и пожилыми людьми (как на уровне семьи, так и общества в целом) позволит повысить эффективность межпоколенческого взаимодействия, а также интенсивность передачи социального опыта. Для недопу-

щения возникновения дискриминационных практик в обществе необходим пересмотр социокультурной парадигмы отношения к старости и пожилым людям, что, на наш взгляд, позволит изменить стереотипное восприятие социальной роли старшего поколения и его вклада в общественное развитие. Важно сформировать у молодого населения позитивные установки на старость, опираясь на то, что рано или поздно каждый из членов общества попадает в социально-демографическую группу пожилых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбер, С. Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса [Текст] / С. Арбер // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 2. – С. 59–78.
2. Барсуков, В. Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории [Текст] / В. Н. Барсуков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1. – С. 195–213.
3. Брайант, Д. Оценка затрат, связанных со старением населения [Электронный ресурс] / Д. Брайант, О. Сонерсен // Финансы и развитие. – 2005. – № 3 (43). – Режим доступа : <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2006/09/pdf/Carone.pdf>
4. Вишневский, А. Г. Куда ведет демографический переход? [Электронный ресурс] / А. Г. Вишневский // Вестник московской школы гражданского просвещения. – 2014. – № 2-3 (65). – Режим доступа : <http://otetrad.ru/article-773.html>
5. Годовой отчет Пенсионного фонда Российской Федерации за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Godovoy_otchet_PFR_2014.pdf

6. Ежов, О. Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии [Текст] / О. Н. Ежов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – № 3. – С. 22–33.
7. Зеликова, Ю. А. Стареющая Европа: демография, политика, социология [Текст] / Ю. А. Зеликова. – СПб. : Норма, 2014. – 224 с.
8. Кашницкий, И. Демографический дайджест [Электронный ресурс] / И. Кашницкий // Демографическое обозрение. – 2015. – № 4. – Режим доступа : <https://demreview.hse.ru/2015--4/179986337.html>
9. Короленко, А. В. Динамика смертности населения России в контексте концепции эпидемиологического перехода [Текст] / А. В. Короленко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 4 (40). – С. 192–210.
10. Микляева, А. В. Методы исследования эйджизма: зарубежный опыт [Текст] / А. В. Микляева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 100. – С. 148–157.
11. Развитие в условиях старения мира [Электронный ресурс] : Доклад Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. – Режим доступа : http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf
12. Россет, Э. Процесс старения населения [Текст] / Э. Россет. – М. : Статистика, 1968. – 508 с.
13. Сови, А. Общая теория населения. [Текст] / А. Сови ; пер. с фран. Ф. Р. Окуневой. – Том второй. Жизнь населения. – М. : Прогресс, 1977. – 520 с.
14. Фаррахов, А. Ф. Феномен одиночества: геронтологический аспект [Электронный ресурс] / А. Ф. Фаррахов // Современные исследования социальных проблем. – 2013 – № 9. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-odinochestva-gerontologicheskij-aspekt>
15. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gks.ru>
16. Шабунова, А. А. Общественное развитие и демографические вызовы современности [Текст] / А. А. Шабунова // Проблемы развития территории. – 2014. – № 2 (70). – С. 7–17.
17. Attias-Donfut, C. European patterns of intergenerational financial and time transfers [Text] / C. Attias-Donfut, J. Ogg, F.-C. Wolff // European Journal of Ageing. – 2005. – № 2 (3). – P. 161–173.
18. Attias-Donfut, C. Attias-Donfut, The Myth of Generational Conflict. The family and state in ageing societies [Text] / C. Attias-Donfut, S. Arber. – London, N.Y. : Routledge, 2001. – 256 p.
19. Barr, N. The welfare state as piggy bank [Text] / N. Barr. – OUP Oxford, 2001. – P. 316.
20. Bengtson, V. The Changing Contract Across Generations [Text] / V. Bengtson, W. Achenbaum. – N.Y. : Aldine de Gruyter, 1993. – 311 p.
21. Butler, R. Ageism: Another form of bigotry [Text] / R. Butler // The Gerontologist. – 1969. – № 9. – P. 243–246.
22. Coleman, D. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition [Text] / D. Coleman // Population and Development Review. – 2006. – № 32 (3). – P. 401–446.
23. Dukhovnov, D. Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex [Text] / D. Dukhovnov, E. Zagheni // Population and Development Review. – 2015. – № 41 (2). – P. 183–206.
24. Edwards, K. Too young to be old: The roles of self-threat and psychological distancing in social categorization of the elderly [Text] / K. Edwards, J. Wetzler // Journal of Language & Social Psychology. – 1998. – № 12 (3). – P. 207–223.
25. European Social Survey [Electronic resource]. – Available at : <http://www.ess-ru.ru>
26. Feuer, L. S. The Conflict of Generation. The Character and Significance of Student Movement [Text] / L. S. Feuer. – N.Y., 1969. – 543 p.
27. Garstka, T. How young and older adults differ in their responses to perceived age discrimination [Text] / T. Garstka, M. Schmitt // Psychology and Aging. – 2004. – № 2 (19). – P. 326–335.
28. Golini, A. Demographic trends and aging in Europe. Prospects, problems and policies [Text] / A. Golini // Genus. – 1997. – № 3-4. – P. 33–74.
29. Lee, R. Population aging, wealth, and economic growth: demographic dividends and public policy [Text] : WESS background paper / R. Lee, A. Mason, 2015.
30. Lowe, R. The Welfare State in Britain since 1945 [Text] / R. Lowe. – London : Macmillan, 1993.
31. Moore, J. What's Your Number at the Zero Bound? [Electronic resource]. – Available at : <https://www.pimco.com/insights/viewpoints/viewpoints/whats-your-number-at-the-zero-bound>

32. The World Bank data [Electronic resource]. – Available at : <http://data.worldbank.org>
33. Walker, A. Public policy and theories of aging: constructing and reconstructing old age [Text] / A. Walker // Handbook of Theories of Ageing. – 1999. – № 3. – P. 361–378.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барсуков Виталий Николаевич – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: lastchaos12@mail.ru. Тел.: (8172) 59-78-10.

Barsukov V.N.

CAUSES AND CONSEQUENCES OF INTERGENERATIONAL CONFLICT AS A SOCIAL ISSUE OF “AGEING” COUNTRIES

The consequences of population ageing entail changes in both economic and social space. A permanent increase in the share of elderly people inevitably leads to the change in view of elderly people and their social role by the rest of society. The increased burden on the working-age population, the intensifying competition in the labor market among elderly and young people, the increase in budgetary expenditures on health and social welfare, the issue of fair redistribution of public resources is only a small part of consequences of population ageing, which are becoming a significant factor in the accumulation of social tension. The response of the society to the changes caused by age structure deformation due to population ageing may be manifested in negative forms such as ageism, gerontophobia and intergenerational conflicts. Thus, the purpose of this paper is to study the causes and consequences of intergenerational conflicts in modern society. The paper reviews the main factors in intergenerational conflicts, the areas of their manifestation, the motives and the level of involvement of different age groups. It is concluded that the manifestations of ageism and desocialization are typical for both young and elderly people; however, young people are more likely to cope with these consequences. In order to address the issue of intergenerational conflicts in the context of present-day realia it is necessary to adopt the law on anti-ageism, which does not exist in Russia. The second and most important is the issue of intergenerational communication. The reduction of communication distance between young and elderly people (at the family and society level) will improve the effectiveness of intergenerational communication and the intensity of transfer of social experience. In order to prevent discriminatory practices in society it is necessary to reconsider the socio-cultural paradigm of attitude towards old age and elderly people, which, in the author's opinion, will change the stereotypical view of the social role of the older generation and their contribution to social development.

Elderly people, young people, ageism, intergenerational conflicts.

REFERENCES

1. Arber S. Starenie i gender v global'nom kontekste: rol' semeinogo statusa [Gender and ageing in global context: role of marital status]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [The monitoring of public opinion: economic and social changes journal], 2016, no. 2, pp. 59–78.
2. Barsukov V. N. Trudovaya aktivnost' naseleniya pensionnogo vozrasta kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii [Labor activity of the population of retirement age as a factor in socio-economic development of the territory]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no 1, pp. 195–213.
3. Bryant D., O. Sonersen Otsenka zatrat, svyazannykh so stareniem naseleniya [Assessment of costs related to population ageing]. *Finansy i razvitie* [Finance & Development], 2005, no. 3 (43). Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2006/09/pdf/Carone.pdf>
4. Vishnevskii A. G. Kuda vedet demograficheskii perekhod? [Where does the demographic transition lead?]. *Vestnik moskovskoi shkoly grazhdanskogo prosveshcheniya* [Bulletin of the Moscow School of Civic Education], 2014, no. 2–3 (65). Available at: <http://otetrad.ru/article-773.html>
5. *Godovoi otchet Pensionnogo fonda Rossiiskoi Federatsii za 2014 god* [Annual report of the Pension Fund of the Russian Federation for 2014]. Available at: http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Godovoy_otchet_PFR_2014.pdf
6. Ezhov O. N. Paradigma zhiznennogo puti v zarubezhnoi sotsiologii [Paradigm of life in foreign sociology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2005, no. 3, pp. 22–33.
7. Zelikova Yu. A. *Stareyushchaya Evropa: demografiya, politika, sotsiologiya* [Ageing Europe: demography, politics, sociology]. Saint Petersburg: Norma, 2014. 224 p.
8. Kashnitskii I. Demograficheskii daidzhest [Demographic digest]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review], 2015, no. 4. Available at: <https://demreview.hse.ru/2015--4/179986337.html>
9. Korolenko A. V. Dinamika smertnosti naseleniya Rossii v kontekste kontseptsii epidemiologicheskogo perekhoda [Dynamics of mortality in russia in the context of the epidemiologic transition concept]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 4 (40), pp. 192–210.
10. Miklyaeva A. V. Metody issledovaniya eidzhizma: zarubezhnyi opyt [Methods of ageism research: foreign experience]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science.], 2009, no. 100, pp. 148–157.
11. Razvitie v usloviyakh stareniya mira [Development amid world population ageing]: *Doklad Departamenta po ekonomicheskim i sotsial'nym voprosam OON* [Report of the UN Department of Economic and Social Affairs]. Available at: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf
12. Rosset E. *Protsess stareniya naseleniya* [Population ageing process]. Moscow: Statistika, 1968. 508 pp.
13. Sauvy A. *Obshchaya teoriya naseleniya: per. s fran. F. R. Okunevoi. Tom vtoroi. Zhizn' naseleniya* [General theory of the population: translated from French by F.R. Okuneva. Volume 2: population's life]. Moscow: Progress, 1977. 520 pp.
14. Farrakhov A. F. Fenomen odinochestva: gerontologicheskii aspekt [The phenomenon of loneliness: gerontological aspect]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Resent research of social issues], no. 9, 2013. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-odinochestva-gerontologicheskiiy-aspekt>
15. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki Rossiiskoi Federatsii* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: <http://www.gks.ru>
16. Shabunova A. A. Obshchestvennoe razvitie i demograficheskie vyzovy sovremenности [Social development and modern demographic challenges]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2014, no. 2 (70), pp. 7–17.
17. Attias-Donfut C., Ogg J., Wolff F-C. European patterns of intergenerational financial and time transfers. *European Journal of Ageing*, 2005, no. 2 (3), pp. 161–173.
18. Attias-Donfut C., Arber S. *The Myth of Generational Conflict. The family and state in ageing societies*. London, N.Y.: Routledge, 2001. 256 p.
19. Barr N. *The welfare state as piggy bank*. OUP Oxford, 2001. 316 p.
20. Bengtson V., Achenbaum W. *The Changing Contract Across Generations*. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1993. 311 p.
21. Butler R. Ageism: Another form of bigotry. *The Gerontologist*, 1969, no 9, pp. 243–246.

22. Coleman D. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition. *Population and Development Review*, 2006, no. 32 (3), pp. 401–446.
23. Dukhovnov D., Zagheni E. Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex. *Population and Development Review*, 2015, no. 41 (2), pp. 183–206.
24. Edwards K., Wetzler J. Too young to be old: The roles of self-threat and psychological distancing in social categorization of the elderly. *Journal of Language & Social Psychology*, 1998, no. 12 (3), pp. 207–223.
25. *European Social Survey*. Available at : <http://www.ess-ru.ru>
26. Feuer L. S. *The Conflict of Generation. The Character and Significance of Student Movement*. N.Y., 1969. 543 p.
27. Garstka T., Schmitt M. How young and older adults differ in their responses to perceived age discrimination. *Psychology and Aging*, 2004, no. 2 (19), pp. 326–335.
28. Golini A. Demographic trends and aging in Europe. Prospects, problems and policies. *Genus*, 1997, no. 3–4, pp. 33–74.
29. Lee R., Mason A. *Population aging, wealth, and economic growth: demographic dividends and public policy: WESS background paper*, 2015.
30. Lowe R. *The Welfare State in Britain since 1945*. London: Macmillan, 1993.
31. Moore J. *What's Your Number at the Zero Bound?* Available at: <https://www.pimco.com/insights/viewpoints/viewpoints/whats-your-number-at-the-zero-bound>
32. *The World Bank data*. Available at : <http://data.worldbank.org>
33. Walker A. Public policy and theories of aging: constructing and reconstructing old age. *Handbook of Theories of Ageing*, 1999, no. 3, pp. 361–378.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Barsukov Vitalii Nikolaevich – Junior Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: lastchaos12@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.